

СВЯЩ. С. ТЫШКЕВИЧ

НЕРАСТОРЖИМОСТЬ
ХРИСТИАНСКОГО БРАКА

RUSSIAN CENTER
FORDHAM UNIVERSITY
NEW YORK, 58

1955

СВЯЩ. С. ТЫШКЕВИЧ

НЕРАСТОРЖИМОСТЬ
ХРИСТИАНСКОГО БРАКА

RUSSIAN CENTER
FORDHAM UNIVERSITY
NEW YORK, 58

1955

НЕРАСТОРЖИМОСТЬ ХРИСТИАНСКОГО БРАКА

Язычество большинства дохристианских народов и культур выказывало полное бессилие в деле охранения брака. Брак рассматривался как простое единение двух человеческих существ, избранных слепую и бездушную судьбою, чтобы „дополнять” друг друга в продолжение никаким нравственным законом не определяемого периода их жизни. Супруги были далеки от стремления к высшему этическому и религиозному идеалу супружеской жизни. Там, где господствовало многоженство, женщина находилась низведённой на уровень рабыни своего мужа и владыки или даже причислялась вместе со скотом к движимому имуществу хозяина дома или имени. Правда, не везде зло принимало столь крайние, циничные формы, однако же существование его было повсеместным: ни брака, ни семьи в точном смысле слова не было. Наряду со всевозможными бытовыми вольностями, допускаемыми греко-римским политеизмом, этот последний предоставлял неограниченную свободу в области супружеской жизни. Если и не всегда мужчины открыто имели несколько жён одновременно, то

Imprimatur N. 84/55 Treveris, die 8 m. Junii 1955
Dr. Weins, Vicarius Generalis

Типография «ВАРЯГ», Christkönigshaus, Leutesdorf am Rhein

всё же многие из них находили способ удовлетворять свои необузданные страсти, произвольно меняя одну подругу жизни на другую. Зачастую два друга обменивались жёнами, или же один „уступал” свою жену другому, как приятно уступает или дарит другому лошадь, охотничью собаку, ковёр. Естественно, что в таких условиях никакой подлинной нерасторжимости брака быть не могло; произвольное расторжение брака входило в число других санкционированных обычаем нарушений естественного нравственного права, терялось в их стихийном потоке.

В античном мире, поскольку он уклонялся от первоначальной верности богоустановленному природному нравственному закону, многоженство и даже многожние были обычным явлением. В язычестве юридически оформленный развод часто служил или прикрытием разврата, или же одним из этапов к нему. Увы, можно сказать, что и в наше „цивилизованное” время развод приводит к тем же печальным последствиям везде, где только Евангелие и законодательство не ставят ему преград. В современном обществе, преклоняющемся перед кумиром удовольствия, частые разрывы супружеских уз как бы подчёркивают жирною чертою общее падение нравов, эту общественную язву, ускользнувшую, к сожалению, от внимания многих.

Несмотря на веру в единого Бога, ветхозаветные евреи допускали, наряду с полигамией, определённую форму развода: выдачу „разводного письма” (Второзак., XXIV, 1). Муж, недовольный своею женою, имел право её отвергнуть, при одном лишь условии даровать ей свободу. Акт отпущения жены должен был быть также составлен по установленной форме. Вышеупомянутый библейский текст бывал толкуем раввинами весьма различно, смотря по школе, к которой они принадлежали. Характерно, и, впрочем, естественно, что формальности отпущения жены со временем всё упрощались под напором страстей: наконец, развод стал почти так же легко выполняем, как у язычников.

Но этот порядок вещей должен был измениться. Когда Христос начал проповедовать царствие Божие, Его однажды узрели восшедшим на гору в сопровождении Своих учеников и последователей. Все ждали нового учения, нового света, благую весть. Спаситель дал тогда миру заповеди блаженства. Спаситель ничего не убавлял из Ветхого Закона; Он, наоборот, имел целью завершить его, приспособить к высшим требованиям совершенства. Христос поднял не только религиозный, но и нравственный уровень Ветхого Завета.

Моисеев закон преподавал целомудрие и вообще ставил ряд пределов излишествам в об-

ласти чувственных наслаждений; однако же исполнение только этих предписаний недостаточно для членов новозаветной Церкви, где блаженными наречены имеющие «чистое сердце», где совершенство целомудрия есть одно из главных условий общения с Богом. *Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём* (Мф., V, 27, 28). Затем наступила отмена и известного нам „разводного письма”, дававшего повод ко многим злоупотреблениям. *Сказано также, что если кто разведётся с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подаёт ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведённой, тот прелюбодействует* (Мф., V, 31, 32). Позднее, при других обстоятельствах, Спаситель вновь затронул этот вопрос. Противники всяких новшеств, фарисеи приблизились к Иисусу, чтобы искусить Его: *И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею? Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их и сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене*

своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочел, того человек да не разлучает (Мф., XIX, 3-6).

Но вот, фарисеи принимаются возражать, ссылаясь на Моисея: *Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею? Он говорит им: Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с жёнами вашими; а сначала не было так; но Я говорю вам: кто разведётся с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведённой прелюбодействует* (Мф., XIX, 7-9). *Кто разведётся с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от неё; и если жена разведётся с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует* (Мк., X, 11, 12). *Всякий, разводящийся с женою своею и женившийся на другой, прелюбодействует; и всякий, женящийся на разведённой с мужем, прелюбодействует* (Лк., XVI, 18). Развод, к которому могли прибегать евреи, каким его допустило Моисеево законодательство, был безусловно отменен Христом. Христос действовал как Верховный Законодатель, отменяющий временный закон, как только надобность в нём прекратилась.

Ветхозаветный развод был обычаем против-

ным первоначальному закону и, в значительной мере, всему плану Провидения, выраженному в созданной Богом природе человека. Бог разрешил евреям изъятие из Его первоначального плана творения, „по жестокосердию“ евреев, как сказал Христос, в виде временного исключения, ничуть не уничтожающего основной закон. И вот, этому исключению приходит конец. Горе тому, кто пожелал бы в Церкви Христовой держаться буквы Ветхого Закона, чтобы пользоваться только его льготами. Держащийся нарушить евангельское брачное правило будет заклеимён как прелюбодей. Отныне Бог удерживает за Собою власть расторжения священных уз, каковыми Ему угодно было сочетать мужа и жену.

Понятно также, что, полагая предел ветхозаветному разводу, Спаситель подавно подвергал беспощадному осуждению плотские вольности языческого мира. Неповинующиеся лишаются Царствия Божиего.

В Коринфе, становясь лицом к лицу с господствовавшим язычеством, св. апостол Павел изрекает всё то же непреклонное правило: *А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем,—если же разведётся, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, и мужу не оставлять жены своей* (I Кор., VII, 10, 11). В христианском обществе, таком,

каким св. Павел его себе рисует, не должен быть расторгнем ни один брак. Если вследствие серьёзных и длительных семейных неладов, или по другим причинам, супруги расстались, то это простое прекращение сожительства всё-таки не уполномочивает к исканию развода, как коренного упразднения существующего действительного брака. „Разведённая“ — не в смысле освобождения от брачных уз, а в смысле прекращения совместной жизни — всегда останется женою своего мужа и потому не может посягать на новый брак, что было бы прелюбодеем, и должна стремиться к примирению с тем, кто, несмотря на „развод“, никогда не переставал быть её мужем и до смерти одного из супругов останется таковым. Узы, наложенные Божией Десницею на обоих супругов в день совершения брака, останутся нерушимыми при каких бы то ни было обстоятельствах. Если супруги не находят возможности примирения — пусть живут отдельно друг от друга, но ни он, ни она не могут вступить в новый брак с другим лицом, так как перед Богом первый брак остаётся в силе. *Жена связана законом, доколе жив муж её; если же муж её умрет, свободна выйти за кого хочет, только в Господе* (I Кор., VII, 39). Таково же и положение мужа; пока жива жена, его тело принадлежит ей; муж не волен отдать его другой женщине. Выражаясь с такою ясностью

и решимостью, ап. Павел ссылается на волю самого Христа: *не я повелеваю, а Господь*.

Учение св. Павла освещает смысл Евангелия от Матфея. Апостол не может противоречить Спасителю, тем более, что он торжественно опирается на слова Господа. Запрещающая расторжение брака, Апостол следует заветам Наставника, он их воспроизводит. Он допускает в исключительных обстоятельствах прекращение совместной жизни супругов, но никоим образом самого брака; в этом случае на разлученных лежит обязанность целомудренного воздержания от попыток вступить в новый брак; это подтверждает безусловную нерушимость брачных уз, которыми Бог связывает пожизненный союз мужа и жены. В христианстве возможен развод-разлучение, невозможен развод-расторжение; можно иногда расстаться с женою, но никогда нельзя перестать считать себя её мужем. Расторжение христианского брака, завершённого брака-таинства, развод с правом вступить впоследствии в новый брак, по воле Господней происходит только в минуту смерти одного из супругов.

Разрешение разводиться, о котором говорится во Второзаконии, в глазах св. Павла было отменено; оно потеряло силу, как это объявил Христос. Поэтому распоряжения языческого римского брачного права не могли быть ис-

пользованы христианами, так как шли вразрез с христианскою моралью.

В упомянутом нами послании св. Павла мы не видим и намёка на какое-либо исключение из общего закона о нерасторжимости христианского брака. Ап. Павел допускает расторжение только языческого брака в том случае, когда муж (или жена) принимает христианство, а жена (или муж) не желает оставить язычества (I Кор., VII, 15). Тщетными оказались бы попытки отыскать допустимость развода у Марка или Луки, где мы находим воспроизведение известного текста из XIX главы Евангелия от Матфея. У св. Марка (X, 11, 12) мы читаем: *Кто разведётся с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от неё; и если жена разведётся с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует*; один строгий, категорический, безусловный и ясный закон. То же самое у Ап. Луки (XVI, 17, 18): *Но скорее небо и земля прейдут, нежели одна черта из закона пропадет. Всякий, разводящийся с женою своею и женящийся на другой, прелюбодействует; и всякий, женящийся на разведённой с мужем, прелюбодействует*.

Однако, евангелист Матфей вводит ограниченную оговорку — «кроме вины любодеяния» — в двух местах своего Евангелия (V, 32 и XIX, 9). На этой то оговорке иные пытаются обосно-

вать свое учение о допустимости разводов. Они считают дозволенным полное расторжение самых брачных уз, коль скоро один из супругов оказывается неверным по отношению к другому; и в этом случае считается позволительным вступление в новый брак, по крайней мере для неповинной стороны. Католическая же Церковь не признает никакого случая, когда один из супругов мог бы вступить при жизни другого в брак с третьим лицом. В этом Церковь придерживается принципа Ап. Павла. Только кончина одного из супругов может, согласно католическому учению, дать свободу другому вступить во вторичный брак. Иначе говоря, даже в случае прекращения сожительства, христианские супруги остаются связанными подлинным браком, и если их ссоре не видно конца, они, подобно девственникам, обрекаются на целомудренную жизнь.

Каков же смысл вышеприведенного ограничения имеющегося в V и XIX главах Евангелия от Матфея? У Матфея (V, 32) мы читаем: *«Кто разводится с женою своею*, кроме вины любодеяния, тот подаёт ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведённой, тот прелюбодействует»*. Развод по мотиву прелюбодеяния, и тем более второй брак, здесь в виду не имеется. В самом деле, воспрещён-

* Точнее в древне-славянском тексте: всяк отпущаяй жену свою, что вовсе не равносильно нашему «разводится».

ным поступком в данном случае является удаление супруги, изгнание её из домашнего очага, даже если не последует вторичного брака: всяк отпущаяй жену свою. Это удаление толкает отпущенного супруга на прелюбодеяние. Печальное последствие прекращения совместной жизни наступает не тотчас же, а лишь тогда, когда одинокому супругу наскучит одиночество и он решится вступить в новый брак. Прерывая без уважительного повода супружеское сожительство, муж, даже если он сам и соблюдает воздержание, становится ответственным за возможное падение покинутой супруги, хотя, разумеется, ответственность эта смягчается в случае, если она уже раньше изменила ему. Итак, если под «отпущаяй» понимать только прекращение совместной жизни, — всё последующее («даёт повод прелюбодействовать») вполне понятно; если же слову «отпущаяй» навязывать смысл «разводится», т. е. «делает свободным от брачных уз», — слова «даёт повод прелюбодействовать» представляют собою какую-то бессмыслицу. Как видно из греческого текста (мойхевоенай, не — порневэйн), «даёт повод прелюбодействовать» обозначает не простой блуд, а нарушение целомудрия со стороны лица, находящегося в браке.

Итак, в случае неверности жены, муж может отпустить, удалить её; от этого жена не перестаёт быть его женою, как изгнанный из отцов-

ского дома недостойный сын не перестаёт оттого быть сыном своего отца. Во всех же остальных сложениях обстоятельств, голос Христа призывает супругов к терпеливому сожительству, всегда возможному для тех, кто черпает силу в благодати, в таинствах. Кто хочет быть подлинным учеником Христа, истинным членом Церкви, пусть будет готов смиренно переносить присущие супружеской жизни тяготы, пусть через преступное прекращение сожительства не даёт повода прелюбодействовать.

У Матфея (XIX, 9) мы читаем: *«Кто разведётся с женою своею, (точнее в славянском тексте: кто пустит жену свою) не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведённой (в славянском: «пущеницею») прелюбодействует»*. Если оставить в стороне известную нам ограничительную оговорку, получается соответствующий недвусмысленный текст св. Марка. Эти слова Евангелие от Марка тоже влагает в уста Спасителя непосредственно после вопроса о разводе. Ответ Христа таков: муж и жена стали одной плотью, они соединены самим Богом, и потому второй брак одного из супругов при жизни первого — не что иное, как прелюбодеяние, ибо развода не существует. Такой же ответ мы должны были найти у св. Матфея; иначе возникло бы недоумение: само учение Христа было бы непоследовательным и бессвяз-

ным, из-за вопиющего разноречия между двумя Евангелиями по существенному вопросу нравственности. Можно было бы согласиться с тем, что у Ап. Матфея Господь допускает подлинный развод в случае прелюбодеяния, если бы такое толкование текста св. Матфея было единственным возможным; между тем это не так: «разведётся» или «пустит» может обозначать не развод-расторжение, а лишь простое удаление, прекращение сожительства; а так как только это последнее толкование не противоречит другим недвусмысленным местам Евангелия и посланий св. Павла, то его мы должны и придерживаться.

Весьма возможно, что Христос хотел признать за мужем, оскорблённым неверностью своей жены, право удалить от себя эту последнюю, чтобы жить одиноко. Действительно, интересующая нас оговорка логически не относится к целой фразе. Христос, ведь, не сказал: «кто отпускает жену и берёт другую, разве в случае прелюбодеяния...», но — «кто отпускает жену, разве в случае прелюбодеяния...»; так что смысл может быть таков: «кто отпускает жену — что дозволено лишь в одном случае прелюбодеяния — и берёт другую, при жизни первой, прелюбодействует». Именно только это толкование самого по себе неясного текста Матфея XIX, 9 выводит нас из затруднения со-

гласовать это место с текстами Луки, Марка и Ап. Павла.

На упрёк в натяжке смысла текста мы можем ответить, что желание найти в нём не только оправдание прекращения сожителства, но и разрешение расторгать самый брак,—ещё более произвольно, не говоря уже о том, что оно ведёт к безвыходным противоречиям. В общем, точный смысл текста св. Матфея в редакции большинства древних рукописей остаётся тёмным. Никто из серьёзных экзегетов не решает-ся на основании этого текста, взятого в **отдельности**, окончательно определить его смысл. Господу угодно было, чтобы отдельные изречения Св. Писания являлись иногда для нас тайнами. Наше дело в подобных случаях смиренно признать неомощность нашего разума и искать света не в „свободном” толковании, а в **других вполне ясных** местах Св. Писания. Допуская развод-расторжение на основании двусмысленной оговорки в тексте св. Матфея, многие христиане действуют искренно, с уверенностью в своей правоте. Тем не менее они выводят из оговорки св. Матфея слишком поспешное и мало обоснованное заключение. Эта опрометчивость чревата пагубными последствиями, ибо она наталкивает на заключение вторичных брачных союзов более чем сомнительной подлинности; она благоприятствует легкомыслию при заключении первого брака;

она ведёт к таким, например, преступным умо-заключениям: „наскучит мне мой муж, я со-вершу прелюбодеяние, и это даст мне право взять себе другого”. Кроме того возможность развода-расторжения в случае прелюбодеяния располагает под напором страстей к безуслов-но противоположному евангельской морали допуще-нию расторжений брака в других случаях; и фактически везде, где существует развод „из-за прелюбодеяния”, браки расторгаются и по другим причинам: прорванная в одном месте плотина быстро вся уносится разбушевавшей-ся стихией.

Взаимная любовь христианских супругов во всех её проявлениях носит, несмотря на все-гда возможные злоупотребления, характер че-го-то высоко превосходящего уровень чисто естественных, обыденных действий. В виду священного благодатного элемента в браке, проступки против супружеской верности яв-ляются тяжкими преступлениями. Священная ненарушимость брака имеет своим основани-ем, без сомнения, возвышенное, ни с чем не сравнимое предназначение христианского су-пружества, а именно: родить не просто новую плоть, подверженную тлению, но чад Божиих, Богом предназначаемых к вечному блаженству.

Святость и нерасторжимость христианского брака имеют ещё другие основания. О них по-ведствует нам Ап. Павел в своем послании к Ефе-

сянам: Жёны, повинуйтесь своим мужьям, как Господу; потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жёны своим мужьям во всём. Мужья, любите своих жён, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё, чтобы освятить её, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить её Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна. Так должны мужья любить своих жён, как свои тела; любящий свою жену, любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет её, как и Господь Церковь; потому что мы члены Тела Его, от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика: я говорю по отношению ко Христу и к Церкви (Ефес., V, 22-32). Дивное откровение! Как Христос образует с Церковью одно Тело, так же и муж с женою должны жить одною жизнью. Брак является основой всякого общественного строя. Но, кроме того, христиане видят в браке нечто большее. Брак христианский — священный символ и образ бесконечно возвышенной и таинственной реальности. Во всём грандиозном пла-

не творения Бог предвидел и предуготовил грядущее пришествие на землю Единородного Сына Своего, Иисуса Христа, Бога-Слова, ставшего плотью. Бог создал и сообразовал всё так, чтобы вочеловечившееся Слово стало центром, куда бы всё стремилось, через кого вся тварь, возникшая из ничего одним лишь повелением Творца, Ему же была бы посвящена. Вокруг Христа сонмы святых — Церковь торжествующая на небесах и воинствующая на земле — представляются св. Павлу в виде единого таинственного тела, глава которого — Сам Христос. Христианский брак, по учению св. Павла, изображает и воспроизводит этот неразрывный союз Христа с Церковью. В этом состоит подлинное величие брака. При свете этой истины рельефно выступает наружу вся несостоятельность учений, допускающих развод: христианский брак нерасторжим, как единение Христа с Церковью.

Два христианских супруга, отдаваясь друг другу перед лицом Всевышнего, образно воспроизводят тесное единение, связующее Церковь с Христом. Такое единение, непостижимо глубокое, полное и неразрывное в своём существе, это и есть тайна, о которой св. Павел говорит в послании к Ефессянам: «Тайна сия велика». Отсюда видно, какого благоговения заслуживает таинство брака. Нельзя надругаться над символом, не задев выражаемой им дей-

ствительности; тем более мы должны быть далеки от мысли исказить этот символ. Всякий раз, когда расторгается священный союз супругов, — предаётся поруганию неразрывный союз незапятнанной Церкви-Невесты с Христом-Женихом, отдавшим жизнь свою за неё. Однажды, в древней Антиохии, кучка мятежников разбила несколько каменных изображений императора; Феодосий сурово наказал процветающий город и уничтожил бы его совсем, если бы не вмешательство епископа Флавиана. Как же не страшиться гнева Божия, если мы дерзнём исказить образ единения Христа с Церковью — таинство брака?

Католическая Церковь считает расторжение действительного таинства брака завершённого супружеским сожителем — ни в коем случае не допустимым. Каноны 5 и 7 Тридентского собора осуждают учения, допускающие развод в случае ереси, трудного сожителства, продолжительного отсутствия, прелюбодеяния и т. д. Итак, даже случай прелюбодеяния не есть достаточная причина для развода. Если вдуматься в суть дела, то станет понятным, что иначе и быть не может. Незавидный жребий обманутого мужа достоин, конечно, сожаления; но если мужу предоставить право развода, на каком основании лишать сей льготы невинную женщину в случае её оставления неверным мужем? Заметим кстати, что с христи-

анской точки зрения прелюбодеяние со стороны мужа столь же тяжкий грех, как прелюбодеяние со стороны жены. Перед Богом муж изменивший своей жене не менее грешен, чем неверная жена.

После смерти апостолов число христиан быстро возрастало, и вопрос о нерасторжимости брака приобретал большое жизненное значение. Рождающееся христианство открыто и наглядно противопоставляло чистоту брака безнравственности язычества. «В трёх первых веках нет ни одного указания на то, чтобы Церковь считала согласным со Св. Писанием вторичный брак разлученных супругов при жизни другой стороны»; это заявление делает не какой-либо католический богослов, а известный протестантский церковный историк, Лэнинг*. Тем не менее, языческая среда и её законодательство создавали ряд опасных влияний. Помрачённая первородным грехом природа человеческая тоже влекла к сохранению языческих нравов. Пастыри Церкви часто должны были проявлять сверхчеловеческое мужество, чтобы отстаивать строгие правила брачного союза, установленные Спасителем. Неудивительно тоже, что некоторые из них оказались слабыми и уступали перед угрозами, когда надо было пролить

* Geschichte des deutschen Kirchenrechts, II, стр. 607.

кровь в защиту попранной нерасторжимости брака. Неудивительно тоже, что в первые века христианства, наряду с многочисленными соборами решительно осудившими развод, мы встречаем несколько поместных епископских собраний разрешивших развод в угоду сильным мира. Зло было особенно грозно на Востоке, в стране цезарепапизма, где „христианские“ императоры никак не могли отделаться от взглядов своих языческих предшественников на отношения между государственной властью и религией; многие византийские императоры стремились ввести древне-римское языческое брачное законодательство в каноническое право, в котором они считали себя хозяевами. На Западе дела складывались значительно лучше, но и здесь только после упорной вековой борьбы папство окончательно изгнало из Церкви старые языческие воззрения на брак.

Отцы Церкви стремились пробудить в нерадивых христианах должное уважение к таинству брака. Повторяя учение Христа и св. Павла, они со святым рвением настаивали на том, что супруги не должны порывать брачных уз, так как в браке — одно тело, одна плоть.

«Мужие, любите жёны, хотя вы чужды были друг другу, когда вступали в брачное общение. Сей узел естества, сие иго, возложенное с благословением, да будут единением для вас, бывших далекими. Ехидна, самая лютая из пресмы-

кающих, для брака сходится с морскою муреною, и свистом извещая о своем приближении, вызывает её из глубин для супружеского объятия. И она слушается и вступает в соединение с ядовитою ехидной. К чему клонится сия речь? К тому, что если и суров, если и дик нравом сожитель, супруга должна переносить это и **ни под каким предлогом не соглашаться на расторжение союза.** Он буен? Но муж. Он пьяница? Но соединён по естеству... Да выслушает и муж приличное ему наставление. Ехидна, уважая брак, предварительно извергает свой яд; ужели же ты из уважения к союзу не отложишь жестокосердия и бесчеловечия?.. Да укротятся страсти невоздержанных — обуздываемые примерами, взятыми с суши и моря». Так говорил некогда величайший из православных моралистов IV века, св. Василий Великий*.

В толковании о „разводном письме“, св. Иоанн Златоуст строго предостерегает своих слушателей: «Не читайте мне текстов внецерковных законов, устанавливающих, что супруг может выдать супруге разводное письмо и её покинуть. В последний день не по этим законам будет судить вас Бог, а по законам, исходящим от Него Самого» (Минь греч., т. 51, ст. 219). И ещё: «Если ты мне говоришь, что твоя жена неисправима, и что, не взирая на все твои старания, она

* Беседа 7 на Шестоднев, изд. Моск. Дух. Акад., 1891г., ч. I, стр.111.

не меняет своего поведения—это не основание для того, чтобы ты её отпустил от себя» (Там же, ст. 228).

Св. Астерий Амасийский* так обличает разведённых супругов. «Несчастливые—говорит он—вы меняете жён, как одежду; прежде, чем умереть, вы оставляете вдов... Брак—не сожитие нескольких дней, как это делается у блудников, но, связь, через которую души и плоть сливаются во едино общением мыслей и чувств, равно как и некоторого рода привязанностью плоти к плоти». Какое преступление хотеть расторгнуть эти узы! «Что сможет ответить виновный? Выставит ли он предлогом дурной характер своей жены и всякие её недостатки? Будь это так, допустим... Но скажи мне, когда в начале ты брал невесту, разве ты не видел, что соединяешься с человеком? Разве тебе неизвестно, что человеку свойственно грешить? Один лишь Бог безгрешен» (Минь греч., т.40).

«Ты отпускаешь жену свою—пишет св. Амвросий**—как будто бы ты на это имел право,

* Св. Астерий, митрополит Понтийский, жил во второй половине 4-го века. Из его творений сохранилось около двадцати бесед. Он написал одно из самых ценных и красноречивых наставлений о супружеских обязанностях, завещанных нам православною древностью.

** Св. Амвросий Медиоланский (†397)—архиепископ призываемый св. Василием Вел. как верный оплот православия и борец за веру. Правосл. Богосл. Энциклопедия называет св. Амвросия «одним из величайших отцов и учителей Церкви» (1582).

ни в чём себя не упрекая только потому, что гражданский закон этого не воспрещает. Но, ведь, закон Божественный это возбраняет! Ты, повинующийся людям,—бойся Бога. Внемли закону Господню, каковому подвластны сами земные законодатели! Что Бог сочетал, человек да не разлучает» (Минь латин., т. 15, ст. 1767).

Блаженный Августин (Tract. 9 in Ioannem) пишет: «Что Бог сочетал, человек да не разлучает. Люди сведущие в католической вере знают, что Господь создал брак; и как это соединение от Бога, так развод от дьявола».

В жизнеописании благочестивого игумена Платона, составленном его духовным сыном, св. Феодором Студитом, имеется красноречивое описание мужественного сопротивления, которое Платон оказал императору Константину VI, пожелавшему развестись с женою и вступить в новый брак. Св. Феодор со святым возмущением отзывается о раболепии византийского духовенства, одобдившего развод властелина с законною женою. «Константин, сын Ирины, правая вера которого запечатлена благочестием матери, а жизнь порочна, как заражённая царской его распущенностью, воцарившись в юношеском возрасте и всецело отвергнув стыд перед матерью и надзор её, а также презревши законы Божии, оставляет законно сочетавшуюся с ним жену и, подобно Ироду,

совершает прелюбодеяние... Наш игумен в то время, когда почти все сочувствуют беззаконию, один с чадами своими и учениками остаётся непреклонным, вследствие чего каких только испытаний он не перенёс в течение года? Его преследовали молва за молвой, угрозы за угрозами, наказание палками, ссылки, пытки... И кесарю содействовали настоятели монастырей, имена коих я стыжусь называть. Темницею же для Платона был жалкий придворный монастырь Эхеколла, с удивительным стражем — повенчавший прелюбодеев!.. Что мне сказать о том, кто передал охрану святого сочетавшему прелюбодеев? Или о том, кто был послан императором судить невинного? Что сказать о тех иерархах, которые были посланы императором в темницу, чтобы заставить праведника согласиться с ними хотя бы на словах и за это получить освобождение из темницы?.. О, безумие, или лучше — высокомерие, вооружающееся против истины! Сочувствующие прелюбодейному браку порицают ревность благородного мужа... Служитель Христов перенёс бесчеловечную жестокость... В скором времени после сего прелюбодейное царство... пало, чтобы и цари научились не преступать божественных законов и не возбуждать беззаконных гонений... И верный хранитель закона Божия, украшенный венком исповедничества, вышел из темницы... прославля-

емый, убожаемый, прозванный мучеником даже теми, кто прежде смеялся над ним... Патриарх возблагоевел перед Платоном, защищая себя и приглашая его к единению. Это и совершилось через отлучение повенчавшего... Иосиф, сочетавший прелюбодеев, внутреннее зло, возмутитель Церкви; мы избегали канонического общения с ним, как яда змеиного... Законов Божиих никто из царей ещё не победил*.. Вряд ли можно возразить, что в данном «Слове», св. Феодор порицает только неканоническую обстановку развода и нового брака: неправильному разводу он нигде не противопоставляет «канонического развода», а, наоборот, — явно намекает на учение Христово: кто разведётся с женою своею и женится на другой, прелюбодействует. Негодяя, он ставит ударение на том, что Константин «оставляет законно сочетавшуюся с ним жену». Во всём этом сочинении у св. Феодора Студита нет ни одного слова, из которого можно было бы заключить, что он допускал возможность в каком-либо случае „церковного развода“. В многочисленных письмах, написанных св. Феодором по тому же поводу к разным лицам**, тоже нет указания на мнимую допустимость „церковного развода“; наоборот, Студит находит, что священник, повенчавший Констан-

* Творения преп. Феодора Студита, Изд. С. П. Б. Духовной Академии, том II, 1908, стр. 165 и след.

** Там же, стр. 200-323.

тина и Феодоту, равно как и его покровители, поступили „по-собачьи”, а Константина, разведшегося с женою и женившегося на другой, он называет „двоеженцем”; святой автор, в оправдание своих резких суждений об этих лицах, несколько раз цитирует известные нам тексты из Евангелия, безусловно запрещающие развод.

Связанные друг с другом супруги никогда не должны **разрывать брачных уз** и по возможности даже не прерывать сожителства, хотя в этом случае Свв. Отцы допускали одно исключение, именно то, о котором повествует св. Матфей: **нельзя разводиться, но можно расстаться** на более или менее продолжительное время. Жизнь с вероломным супругом, ставшая невыносимой, не может быть вменена в обязанность. В этом отношении Свв. Отцы часто находили повод восставать против римского права, по которому прелюбодеяние мужа считалось поступком маловажным, якобы не дававшим жене повода чувствовать себя оскорблённой. Подобное неравенство между полами казалось Отцам Церкви вопиющей несправедливостью. «Этот закон я не одобряю, этот обычай я не хвалю», восклицает св. Григорий Богослов (Минь греч., т. 36, ст. 289).

Сопrotивление языческому пониманию брака сказалоcь уже в первые века христианской эры. Во 2-ом веке, Гермас в своём знаменитом «Пастыре» выражается с большою определён-

ностью. Он пишет об обманутом супруге: «Пусть он отпустит свою жену и останется один; но если, после отпущения жены, он женится на другой, то он — прелюбодей» (Mandat. IV, 1; Funk, Patres Apost. I 894). Ориген порицает обычай некоторых современных ему епископов, разрешавших покинутым жёнам вступать во второй брак. Так наз., „Апостольские правила”, которыми пользовалась Церковь 3-го и 4-го столетий, безоговорочно гласят: «Если кто из верующих, отпустив свою жену, берёт другую, или если берёт женщину, отпущенную другим, — да будет отлучён от Причастия». Собор, созданный в Милеве Африканском в 418 году, принял следующее постановление: «Нам было угодно постановить, чтобы, согласно с евангельским и апостольским установлением, ни муж, отверженный своею женою, ни жена, отпущенная своим мужем, не вступали в брак ни с кем, но оставались бы в своём состоянии (т. е. одинокими) или же примирились друг с другом». Постановления этого собора возымели чрезвычайный вес далеко за пределами Африки, даже в Византии.

Конечно, в ту отдалённую эпоху каноническое право ещё не созрело и не успело вылиться в стройную точную систему. Богословская терминология тоже ещё не вполне определилась, слово «развод» подчас употреблялось в различных смыслах. Отсюда некоторые неясности и

колебания даже у церковных писателей. Св. Епифаний (315-403), епископ Саламинский, в одном из своих довольно спорных по смыслу произведений, говорит о вторичном браке, якобы не возбраняемом Св. Писанием; но внимательный разбор контекста показывает, что речь идёт о вторичном браке после овдовения, запрещённом духовенству, но разрешённом мирянам. Неясны слова св. Василия Вел. в его письме к Амфилохию; во всяком случае, это письмо нисколько не оправдывает обычая разводиться. У других Отцев тоже нет указаний на то, что можно разводиться без опасения нарушить Христовы заповеди о браке. Никто из Отцев не говорит, что расторжение брака наверно не грех; а одних „возможностей” и „вероятностей” недостаточно; чтобы оправдать развод нужна **положительная** уверенность в том, что он не противоречит воле Божией; в столь важном деле рисковать нельзя. Против допустимости развода ясно высказались Климент Александрийский, Григорий Богослов и почти все западные Отцы Церкви.

Защитники развода опираются иногда на свидетельство Феодорита Киррского (386-458); но, ведь, Феодорит утверждает только, что брак нарушается фактом прелюбодеяния, совершенно обходя молчанием позволительность вступления в новый брак; он оставляет нас в неизвестности насчёт своего мнения о разводе в

собственном смысле слова; нарушение не тождественно по смыслу с расторжением; доказательства в пользу бесспорной позволительности расторжения брачных уз вы у него не найдёте. А для оправдания развода-расторжения необходимо установить безусловное недвусмысленное разрешение Христа; между тем ничего подобного в Св. Предании нет. На авось можно, пожалуй, поступать в мелочах повседневной жизни, но никоим образом в вопросах, касающихся самых основ христианской нравственности. В вопросах касающихся действительности таинств нет места для пробабиллизма. „Широкое” толкование известной оговорки в Евангелии от Матфея следует признать не плодом христианской мысли, не проявлением верности христианскому Преданию, а наоборот — одной из пагубных уступок ослабевшей церковности торжествующему цезарепанизму.

Как мы выше на то указывали, отдельные иерархи или даже — группы епископов, подчас не проявляли должного мужества в деле защиты нерасторжимости брака, когда приходилось сталкиваться с своеволием грозных властелинов; известно, например, что когда Наполеон захотел развестись, среди французского духовенства нашлось несколько лиц, согласившихся, вопреки указаниям Рима, снисходительно отнестись к разводу всемогущего императора.

Но такие факты подтверждают только на всём протяжении истории наблюдаемое явление: с ослаблением духовных уз, связывающих поместные церкви с апостольским, папским Престолом, слабеет сила сопротивления этих церквей внешним нездоровым влияниям. Везде, где папство имело свободу действия, оно неуклонно боролось как с обычаем давать разводы, так и с теориями, допускающими расторжение христианского завершённого брака. Скорее, чем согласиться на какие-либо сделки в этой области, Церковь всегда была готова на величайшие жертвы. Когда могущественный английский король Генрих VIII вздумал просить папу расторгнуть его брак с законной супругой, Екатериной Аррагонской, никакие просьбы, никакие происки, никакие угрозы не смогли побудить Рим пойти на уступки; даже опасение отпадения английского народа от Церкви в „английскую церковь” и опасение кровавых гонений на католиков не могли вынудить папу совершить вероломство, разрешая своему монарху развестись с женою. Таких примеров церковная история знает много. Что Бог соединил, того Церковь, даже в лице папы или вселенского собора, не расторгает.

Но, скажут нам, ведь случается, что тот или иной брак признается Католическою Церковью недействительным, есть случаи, когда Рим объявляет *nullitatem matrimonii*. Разве это не есть

согласие Церкви на развод? Мы ограничимся кратким ответом, чтобы рассеять могущие возникнуть недоразумения.

Когда мы говорим о нерасторжимости брака, то имеем в виду действительный **объективно существующий** брак христиан, завершённый как церковным **таинством**, так и начавшимся **супружеским сожитием**; брак нерасторжим, когда исполнены все, Церковью определённые, условия действительности таинства и когда, согласно выражению Св. Писания, супруги стали „единою плотью”. Но бывают случаи, когда или это последнее условие ещё не осуществлено, или когда, несмотря на долготнее сожитие и внешнее **сходство** с действительным браком, фактически перед Богом данные лица соединены только **кажущимся** браком. Например, мужчина и женщина могут быть соединены — будь притом грех или нет, по неведению — без способности на подлинный брачный союз, находясь, например, в очень близкой степени родства, делающей их брак несовместимым с естественным нравственным правом: они считают или считали себя супругами, на самом же деле они не супруги, супругами никогда не были и быть не могли; коль скоро они себе отдадут отчёт в своём заблуждении, их право, даже их обязанность, — расстаться или, в случае сомнения, обратиться к Церкви за разрешением их недо-

умения. Нечто подобное следует сказать о кажущемся браке в случае, когда одна из сторон в момент заключения этого „брака” лишь внешне дала свое согласие, из страха, например, перед родителями, но в душе вовсе не соглашалась на это сожительство, так что одно из главных условий подлинности брака, свободное согласие, не осуществлено. В таких случаях Церковь вовсе не „даёт развод”, а только канонически **устанавливает**, что в данном случае действительного брака **никогда не было**, а потому лица, которых он касается, должны или расстаться или, если это не противоречит Божиим законам и церковным правилам, и они этого свободно желают, вступить в действительный брак. Порою бывают случаи более запутанные; тогда Церковь канонически исследует все обстоятельства и решает, был ли первоначальный брак действительным или нет. Подобные случаи ничего общего с расторжением брачных уз не имеют; это материнская забота Церкви о том, чтобы ненарушимость христианского брака соблюдалась во всём; это не попустительство желанию разводиться, а, наоборот, одна из мер, принимаемых Церковью в охрану нерасторжимости брака. Процессы de nullitate matrimonii сравнительно немногочисленны и далеко не все кончаются заявлением, что брака не было. Римская конгрегация по брачным делам в 1954 г. разобрала 245 проше-

ний о выяснении действительности брака: недействительность была признана только в 131 случае. Заметим мимоходом, что Св. Престолу эти „процессы” дорого стоят (в истекшем году — 18.000.000 лир), так как большинство просителей не в состоянии оплачивать расходы по каноническому судопроизводству.

История борьбы христианства с безверием и развратом всецело подтверждает божественный характер учения о нерасторжимости брака. Мы уже намекали на упорное сопротивление, которое древний языческий мир долго оказывал христианскому принципу ненарушимости брачных уз. Но и наш век полон поучительных данных. Европейское язычество XX века мало чем отличается от язычества римлян и греков. Все без исключения противники христианства, его догматов и морали, всегда стремятся унижить, обесчестить и уничтожить как самую теорию нерасторжимости брака, так и применение этой теории в жизни. Как всякий знает, масоны, социалисты и большевики внесли в число главных пунктов своей антихристианской программы безусловную борьбу против католического представления о нерасторжимости супружества*. Вскоре, впрочем, заметив катастрофические последствия своей морали, большевики дали задний ход и стали затруднять расторжения браков.

* См. документы в «Вере и Родине», № 14.

Не будет излишним ответить здесь на некоторые, принятые в антирелигиозных „прогрессивных“ кругах, возражения против нерасторжимости брака.

Возражение: — Высшее благо человека заключается в свободе; между тем, Церковь отняла у верующих право свободно заменить неудачную брачную связь другою.

Ответ: — Есть свобода и свобода. Высшее благо человека не в свободных преступлениях, не в хулиганстве, а в «свободе во Христе», которая достигается не иначе, как путем искреннего сыновнего исполнения Христовых заповедей, в данном случае — заповеди нерасторжимости брака. Притом Церковь никого не заставляет силою исполнять волю Божию; она обращается к свободному человеку и зовёт его свободно, из любви к Христу, соблюдать заповеди Господни*. В том, что Церковь отказывается принимать участие в грехе, нет нарушения свободы. Кто начинает с презрения к морали во имя свободы, тот кончает тем, что становится крайне несвободным рабом своих страстей. Закон нерасторжимости брака побуждает вступающего в брак действовать вполне обдуманно,

* Я слышу возражение: инквизиция! Но ведь инквизиция имела целью не принуждать обвиняемых к послушанию Церкви, а защищать общество от вредных элементов; к тому же инквизиция давным давно перестала существовать.

сознательно, освободившись от всяких внешних давлений и преходящих настроений.

Возражение: — Иной брак не по силам одному или обоим супругам. „Не могу больше“.

Ответ: — Находящемуся в состоянии благодати всегда посильно соблюдение заповедей Господних. Стоит только быть смиренным, послушным сыном Церкви и искать духовную силу в её чистых источниках, особенно в таинствах. *Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Филипп., IV, 13).

Возражение: — Цель брака — взаимная любовь; если эта цель в том или ином случае не достигается, надо прибегнуть к разводу.

Ответ: — Взаимная любовь тут не всё. Основная цель брака — создать семью; допустимость разводов ведёт к забвению этой цели, к общему упадку нравов и тем самым к разрушению семьи. А взаимная чистая любовь может быть и вне брака; поэтому она не может считаться специфическою целью брака.

Возражение: — Дети родителей, живущих не в ладу, всегда несчастны. Пусть дети живут при отце (или матери), вступившем (или вступившей) в новый, счастливый брак, тогда они будут счастливы.

Ответ: — Какое незнание тайников детского сердца! Правда, что там, где родители не ладят друг с другом, их дети страдают. Но, ведь, они страдают в десять раз больше, если разводом

разрушен брак их родителей, это естественное основание их существования; и больше всего томится их детская душа, когда на развалинах супружеской жизни их родителей вместо отца или матери появляется чужое, ненавистное им лицо. Да и для самих разведённых новый брак не приносит действительного, духовного счастья. И родители и дети найдут в религии и соблюдении христианской морали спокойствие и утешение, какого „новый, счастливый брак” дать не может.

Возражение: — Чтобы наказать обидевшего супруга, другому супругу часто не остаётся иного выхода, как прибегнуть к разводу.

Ответ: — В христианстве более уместно всепрощение, чем наказание, исправление — чем отмщение. Развод никого внутренне не исправил; многих он окончательно нравственно погубил.

Возражение: — Все вероисповедания допускают в некоторых случаях расторжение брака. Церковь должна поэтому тоже пойти на уступки.

Ответ: — Один из главных отличительных признаков истинной Церкви — её святость. „Верую в единую, святую, вселенскую и апостольскую Церковь”. Церковь, в отличие от в той или иной степени ложных вероисповеданий, свято соблюдает заповеди Христовы.

Православная Богословская Энциклопедия (изд. Лопухина, II, ст. 1056-1064) в статье о расторжении брака приводит взгляды, которые мы не можем обойти молчанием, так как они очень живучи.

Автор, А. Завьялов, начинает с заявления, которое равносильно признанию католического учения о нерасторжимости брака единственным истинным: «И по своему первоначальному происхождению, когда сотворены были один муж и одна жена..., и по христианскому учению, как благословляемый Церковью союз, во образ духовного единения Христа с Церковью, брак представляется нерасторжимым общением двух людей разного пола». Но затем, автор пытается оправдать отступления от этого учения. «Идея чистого единобрачия встречала и встречает постоянное противодействие в жизни, которая у одарённых свободой людей проявляется не по законам необходимости, а по движениям воли, определяемой разумом и чувством. Отсюда и понимание брака может совпадать с требованиями единобрачия, может и не совпадать... Христианское учение, уяснившее высшие цели брака, указывает и средство к достижению сей цели — благодать таинства. Но и благодать не действует принудительно...» Но, ведь, из того, что люди одарены свободой, следует, что людей нельзя силою заставить быть честными, и что вступать в брак надо

вполне свободно; но никоим образом не следует, что Церковь может не считаться с Божиими законами в угоду „свободным” прихотям людей. Из того, что благодать оставляет отдельных людей свободными, т.-е. ответственными за свои поступки, нельзя заключить, что Церковь вправе нарушать Христовы постановления. Если бы Церковь могла допускать, во имя свободы и благодати, уклонение от одной Христовой заповеди, то на том же основании она имела бы власть благословлять воровство тех, кто „свободно” презирают благодать и заповедь: **не укради**. Святость Церкви состоит в её свойстве быть непричастной к грехам отдельных её чад, не давать от себя разрешения на грех, и в особенности — ни под каким давлением не поддаваться искушению оправдывать теориями обычай нарушать святыя заповеди Господни.

«При высокой степени развития религиозного чувства — читаем мы дальше в **Православной Энциклопедии** — и при исключительной высоте нравов первенствующая христианская Церковь, в лице некоторых Отцев и учителей, заповедала и вдовцам не жениться, и вдовам — не выходить замуж, и тем показала, что идеал христианского брака есть чистое и полное единобрачие. Тот же принцип свидетельствуется и тем, что только единобрачные признаются правоспособными к возведению на высшие сте-

пени служения в клире, и тем, что на вступающих в последовательные браки по смерти супругов Церковь налагает взыскания. Таким образом, о прекращении брака не должно бы быть и особой главы в трактате о браке, если бы брак рассматривать исключительно с религиозной стороны. Но так как брак старше христианства и принят сим последним в виде веками сложившегося института, в котором несколько имеющих самостоятельное значение сторон, то и в праве христианской Церкви, поставившем целью воспитание христиан до совершенного возраста мерами приспособления к человеческим немощам, явилось учение о прекращении и расторжении брака». Здесь мы опять наталкиваемся на отсутствие последовательности и полное смешение понятий. Брак, конечно, явление универсальное и «старше христианства»; отсюда вытекает для Церкви необходимость считаться с требованиями естественного нравственного права, заложенного Творцом в природе человека, но отнюдь не необходимость руководиться... древнеязыческими нарушениями этики и безнравственностью лишённых ещё света Христова народов! Развод старше христианства. Но Спаситель это знал и сознательно осудил развод; а воля Христа для нас, христиан, должна быть важнее нравственно сомнительных обычаев античного мира. Христос не просто „принял

веками сложившийся институт” брака, но и исправил его, очистил его от древне-еврейских злоупотреблений и возвёл на недостижимую для безблагодатных людей высоту совершенства и святости. Вполне верно, что Церковь должна «воспитывать христиан до совершенного возраста». Но это воспитание делается постоянным призывом к соблюдению Господних заповедей, а не принципиальной уступчивостью в тех случаях, когда исполнение заповедей тяжело для „человеческой немощи”; Церковь отечески прощает кающихся в грехах, но не поощряет греховных слабостей; Церковь может разрешать слабым вести менее совершенную жизнь, чем подвижники, но она никому не может разрешить нарушать волю Божию. Не разводами приводятся люди к святости „совершенного возраста”, а молитвою, смирением, таинствами, приучением с детства к жертвенности Христа ради. Повсеместный опыт показывает, что расторжение браков не воспитывает людей в духе приближения к „совершенному возрасту”, но, наоборот, — удаляет от этого совершенства.

В той же диссертации мы находим следующие рассуждения. «Закон действовал в христианском обществе прежде, чем был проникнут учением Евангелия, и действие его было настолько значительно, что Церковь (не Церковь, а некоторые слабовольные иерархи. *С. Т.*) до-

пустила целую категорию причин, прекращающих брак подобно смерти. Другой порядок явлений, поражающих брак, даёт разного рода супружеская неверность или нарушение чистоты брака прелюбодеянием. В явлениях этого порядка начало брачной нерасторжимости понесло и несёт наиболее сильный ущерб, так как принуждено считаться не с непреложными законами, какова смерть, а с обнаружениями злой человеческой воли, способной не стесняться брачными обетами и горделиво восставать против самоочевидных нравственных и религиозных требований». Выходит так, что сила человеческой греховности велика, и поэтому Церковь должна отступать и приносить в жертву этой греховности самоочевидное нравственное и религиозное требование нерасторжимости брака! Именно этого умозаключения, чудовищного как со стороны логики, так и с точки зрения евангельского учения, Церковь не признаёт; в этом пункте она ни за какие блага на уступки не пойдёт. Как ни универсальна и сильна людская греховность, Церковь её не боится; Церковь верит в слова Господа нашего Иисуса Христа: «На сем камне я созижду Церковь мою и врата ада не преодолеют её»; «Я с вами во все дни до скончания века»; «Не бойся, малое стадо».

«Церковь... озабочена — утверждает ещё г. Завьялов — изысканием средств и способов к

устранению никому и ничему ненужных мучений и формальных затруднений для законно ищущих развода». Одно из двух: или слово «законно» относится к закону Христа, и тогда никаких «законно ищущих развода» быть не может, так как, по признанию самого автора, нерасторжимость церковного брака есть «самоочевидное религиозное требование»; или же слово «законно» относится к гражданскому закону, нарушающему «самоочевидное требование» учения Христова, и тогда «Церковь», «изыскивая средства» к облегчению развода, повинна в тяжчайшем преступлении. Напрасно также автор диссертации полагает, что страдания, неизбежно связанные с исполнением заповедей Господних, — никому ненужные мучения, во избежание которых Церковь может благословлять непослушание Христу. Этот принцип чреват трагическими последствиями; он свидетельствует о полном непонимании тайны искупления, т. е. тайны креста, «мучений». Ради устранения преходящих страданий Церковь не даёт разрешения на грех. Цель не оправдывает средства*. Неверно, что в данном случае «мучения» никому не нужны: они полезны страждущему супругу, как испытание, ведущее к нравственному совершенству и спасающее от вечных

* Вопреки столь распространенной клевете, Католическая Церковь всегда отвергала безнравственный принцип оправдания злых средств благою целью.

мучений; они нужны обществу и Церкви во избежание общего понижения нравственного уровня и вытекающих отсюда бесконечных драм. Впрочем, страдания при неудачном браке в значительной степени облегчаются сознанием исполненного долга, спокойствием совести, молитвою, таинствами, и, если надо, более или менее продолжительным разлучением. Раз Господь даёт какую-нибудь заповедь, то и обеспечивает благодать, необходимую для её исполнения; предполагать противное — тяжкий грех.

«Содержание положительных законов о прекращении и расторжении брака в разные времена не могло быть одинаковым, так как законы эти не церковные только, но и гражданские, и в свою очередь подчинены не только идеальным требованиям Церкви, но и генетическому движению правовой мысли и наличному состоянию христианского общества». Такое слияние гражданского законодательства с каноническим церковным правом есть великое зло, против которого всегда боролась Церковь. Как из истории известно, это зло всегда прямо пропорционально зависимости отдельных частей Церкви от гражданской власти или национально-политических учреждений; оно имеет перевес везде, где дух церковной вселенскости вытеснен духом этнического сепаратизма. А, главное, чего не надо забывать, это то, что Церковь из тех или иных соображений может изменять

или даже отменять ею же данные канонические постановления, но не Божественные законы (lex divina), данные Самим Христом. Она не может изменять существенное в таинствах; расторгать завершённое сожителем таинство брака не в её власти, как не в её власти крестить молоком во имя ангелов, или предавать поруганию Св. Дары. Церковь полновластна только в пределах полномочий, данных ей Спасителем; но Христос, ведь, никогда не уполномочивал Церковь отменять, хотя бы только в виде исключения, непосредственно от Него исходящие постановления. В Церкви Христовой нет места для подчинения самой основы христианства — Христовых догматов и заповедей — „генетическому движению правовой мысли“; такого чудовищного юридикзма Церковь никогда не допускала.

Г. Завьялов ссылается на законы византийских императоров — Юлиана, Феодосия, Констанция, Валентиниана III, Юстина II и других, — разрешавших расторгать браки в тех или иных случаях. Наш автор, повидимому, считает вполне естественным это возмутительное хозяйничанье светских властелинов в святыне морали и таинств. А между тем, Отцы Церкви были диаметрально противоположного мнения; они считали такое вмешательство преступлением. «Законодательствовать в Церкви — не дело царей», говорил св. Иоанн Дамаскин (Вторая беседа об

иконах, Минь греч., 94, 1296). Св. учитель приводит в свидетели Апостола Павла, который в I Коринф. XII, 28, перечисляя «поставленных в Церкви», не упоминает царей (ук эйпе базилейс). «Дело царей — гражданское благоустройство, церковный же порядок — дело пастырей и учителей». Вмешательство императоров в «строительство Церкви» есть большое зло, так как даже от малейшего проявления этого вмешательства «вскоре всё в Церкви разрушится». Попытки императоров навязывать Церкви законы Дамаскин, не стесняясь, называет «разбойническим нападением» (лэстрикэ эфодос). Как же назвать тогда посягательство светской власти на самые таинства? Тут не помогут никакие ссылки на некоторых недостойных епископов прошлых веков, которые пошли на раболозные уступки „генетическому движению“ полуязыческого гражданского права.

В России „византийский недуг“ только постепенно принёс свои пагубные плоды. В разные эпохи замечается сильная реакция со стороны религиозных элементов Православия, в частности в вопросе о ненарушимости таинства брака.

Макарий в своей **Истории Русской Церкви** пишет о разводе Вел. Кн. Василия Иоанновича: «Сохранилось предание, будто Великий Князь, по совету митрополита Даниила, посылал грамоту ко всем четырём патриархам Во-

стока и просил у них разрешения развестись с неплодною женою и вступить в новый брак, и будто патриархи все отвечали князю решительным отказом. Дело весьма важное, хотя самое сказание мало возбуждает к себе доверия*. Да и в России, если верить Курбскому, нашлись люди, которые смело объясняли Василию Иоанновичу всю противозаконность его намерений. Но Даниил, глава Русской Церкви, вопреки явному учению Евангелия и церковных правил, дозволил государю развод с женою за одно только её неплодство. Этого мало: не прошло двух месяцев после незаконного развода, как митрополит, опять вопреки церковных правил, благословил Василия вступить в новый брак с Еленою Глинской и даже сам 21 января 1526 года обвенчал их. Быть не может, чтобы Даниил не понимал своей вины... Достоин замечания, что Даниил счёл нужным как бы объясниться со своею духовною паствою по этому случаю и написал целых три слова, в которых доказывал, на

* Сказание напечатано в ЧТЕН. МОСК. ИСТОР. ОБЩ., 1847, VIII отд. IV, под названием «Выпись из государевой грамоты, что прислава к В. К. Василию Иоанновичу, о сочетании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради, творение ПАИСЕИНО, СТАРЦА ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ»... Автор между прочим пишет: говорят будто иерусалимский патриарх Марк предсказал Василию Иоанновичу, что если он разведётся с женою и вступит в брак с другою, то будет иметь от неё наследника, от которого всё царство наполнится ужаса и печали, кровь польётся рекою, города запылают... короче — такого наследника, каким и был Иоанн Грозный. (Прим. Макария).

основании церковных правил, что ни развод, ни второй брак после развода не позволительны, и что уступка церковного закона по государственным нуждам не может служить примером для частных лиц*. Упомянем ещё свидетельство Голубинского: «Существует позднейшее сказание о втором браке Василия Иоанновича, которое уверяет, что Великий Князь писал послание к четырём патриархам, прося у них дозволения на развод, и что по сему поводу монахи на Афоне добровольно, не быв прощены государем, держали у себя многочисленный собор от всей горы..., состоявший из 12.000 человек. Постановив на соборе приговор, афонцы послали Великому Князю епистолию с помянутым Гавриилом, которого вывез в Россию посол Великого Князя Колычев, ходивший в Крым (Карамзин, VII, 78)... Приговор монахов был: «не есть в правилех св. Отцев браку сочетание второму, не повелеваем и мы и запрещаем», — читается в житии Максима Грека, напечатанном С. А. Белокуровым в приложениях к его исследованию «О библиотеке московских государей в XVI ст.», стр. LXI... По поводу этих отказов Даниил сказал Вел. Князю: не имей печали, Государь, возьмем сами на себя со всем собором разрешить тебе желаемое тобою»**. Из этих двух

* Макарий, ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ, т. 6, стр. 173-175.

** Е. Голубинский, ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ, том II, стр. 732-734.

рассказов можно заключить, что в эпоху Василия Иоанновича, когда даже главы государств встречали столько препятствий при расторжении брака, древне-христианские религиозно-нравственные традиции были гораздо живее в сознании православных народов, чем теперь.

Протестантизация православия Петром Великим и в отношении брака привела к плачевным последствиям. И вообще, с тех пор, как государственная власть окончательно взяла в руки церковные дела в России, постепенное уклонение Православия от древних церковных начал пошло ускоренным ходом. **Православная Богословская Энциклопедия** (там же) даёт следующую картину победы государственного абсолютизма над христианским учением о браке: «У нас на Руси брачное законодательство и практика не были строго упорядочены до времён преобразований Петра I, а с этого времени до издания свода Законов 1832 года и Устава Духовных Консистолий 1841 года прошли длинный опыт соглашения строгости церковного учения с законами Византии и обычаями народа и теперь являются вполне законченными, причём, конечно, остаётся и возможность и желательность улучшения в самом бракоразводном процессе... Расторгается брак: 1) по просьбе одного из супругов, когда другой приговорен к наказанию, сопряжённому с ли-

шением всех прав (следовательно, и семейственных) состояния, или безвестно отсутствует и 2) по иску одного из супругов о разводе (ст. 223). Лишение прав семейственных, очевидно, приравнивается к смерти... Порядок производства дел по прошениям о расторжении брака по безвестному отсутствию пересмотрен недавно и определяется в Высочайшем повелении 14 января 1895 года». Следует ряд распоряжений, в которых государственная власть точно предписывает церковной, как вести разводные процессы.

Пришла разруха 1917 года. Большевики показали, что антикатолическая сторона византийствующего законодательства нужна для борьбы с церковным Православием. Они поняли, что цазарепапизм им проложил дорогу, что те византийские императоры, которых св. Иоанн Дамаскин называл «разбойниками», до известной степени — их предшественники в деле разрушения Церкви. Как мы видели выше, большевики не только одобрили обычай византийских государственных законодателей не считаться с глосом Церкви в вопросе о святости брака, но пошли ещё дальше в антикатолическом направлении; они санкционировали меры, принятые дореволюционными правительствами против католичества, изгнали всех католических иерархов, а перед «генетическим движением» ан-

тикатолического византийского законодательства они распахнули двери настезь.

Всероссийский Церковный Собор 1917-1918 годов был до известной степени реакцией против порабощения Церкви государством. Но эта реакция оказалась неглубокой; и это неудивительно: в 1917 году взялись реформировать Русскую Церковь духовные лица и миряне, всё-таки, воспитанные в атмосфере государственной церковности или в славянофильстве. Взоры преобразователей были обращены не на всееленскую Церковь, а на Византийскую национальную Церковь. Московский Собор часто обосновывает свои постановления словами — «так было в Греческой Православной Церкви», «так было на Востоке» и подобными. И в то время, когда по соседству Советы готовили свои нападения на религиозно-нравственные устои семейной жизни, Всероссийский Собор не постановил вернуться к чисто церковному пониманию безусловной ненарушимости брака, а, наоборот, проявил склонность расширить практику разводов. В «Определении Священного Собора Православной Российской Церкви о поводах к расторжению брачного союза, освящённого Церковью, от 7-го апреля 1918 года»* мы, к сожалению, встречаем всё то же опасное смешение существенно различных понятий и ту же

* Собрание определений и постановлений, Выпуск III, Москва, 1918, стр. 61.

непоследовательность, что и в **Православной Энциклопедии** и в указах византийских базиликов. «Определение» признаёт, что «супружеский союз мужа и жены, освящённый и укрепленный в таинстве брака благодатною силою, должен быть у всех православных христиан супругов нерушимым; все они, приемля с покорностью воле Божией свой жребий жизни, должны до конца дней совместно нести и радости, и тяготы супружества, стремясь осуществить слова Спасителя и Господа: еже Бог сочета, человек да не разлучает». Но тут же говорится, что «расторжение брачного союза Святая Церковь допускает лишь по снисхождению к человеческим немощам...» Слово «лишь» мало убедительно, так как под рубрику «человеческие немощи» можно подвести какие угодно побуждения. И даже сам собор насчитывает целых одиннадцать категорий случаев, когда расторжение брака признаётся вполне допустимым; согласно «Определению» (парагр. Г), «заболевание проказою» одного из супругов даёт право другому бросить несчастного больного и вступить в новый, более выгодный брак; то же самое, если один из супругов присуждён к наказанию, соединённому с лишением всех прав состояния (парагр. Е). Такое „снисхождение к немощам” противно духу христианского самоотречения и любви к ближнему и на пратике сводит на нет заповедь нерасторжимости брака.

Нам приятно отметить в заключение отрадный факт: в эмиграции среди русских православных церковников стали чаще раздаваться голоса в пользу защиты брака от недуга разводов.

«Беженский быт пестрит разводами—писал уже кн. Дм. Голицын-Муравлин в **Церковном Вестнике** от 1-15 мая 1926 года;—мы о разводах в беженстве постоянно слышим и читаем. Революция продолжается в наших рядах за рубежом. Да, революция. Семейные основы расшатываются и тем затрудняется возрождение Родины. Большевики опоганили брак. Когда Россия воскреснет, придётся считаться с глупыми прислоениями разврата, но как же будут бороться против зла те, которые сами злом поборены? Разрываются старые, дореволюционные семейные узы, а ещё более такие, которые установились в беженстве. Нарушение торжественного молитвенного обещания, данного перед алтарем Господним, производится легко, совсем легко, как нечто входящее в бытовую оборот. Иные словно оправдываются словами: помилуйте, в переживаемое нами время разве можно требовать... Вот именно в переживаемое время попираания Креста должно требовать, чтобы жертвы врагов Руси не помогали супостату в его разрушительной работе, направленной против устоев нашего бытия... Всепрощающий Спаситель, со словами милости от-

пустивший женщину, взятую на прелюбодеянии, не произнёс ни единого слова снисхождения по поводу развода. Разводящийся с женою иначе, как вследствие её прелюбодеяния—прелюбодействует, а вступающий в брак с разведённой—также прелюбодействует. Ни одного слова снисхождения. Почему? Вдуматься надо. Потому что развод является грехом сугубым по отношению к Церкви, той хулою Духа Святого, которая, по спасительно суровому предупреждению Христа,—не прощается. Нарушается клятва, произнесённая за себя и за другого. Приходят брачующиеся в церковь лишь как бы за визую, для заштемпелевания своих низменных побуждений. С такою же правотою мог бы человек испрашивать пастырское благословение по дороге в вертеп непотребный. Оскорбляется Церковь, и о святости брака нет ни речи, ни мысли. Конечно, можно впасть в ошибку и с наилучшими намерениями обвенчаться с тем, с кем жизнь станет тяжкою. Что-ж, каждый должен нести последствие своих поступков, и тогда его страдание будет ему оправданием, а не порождением мерзости... Не расшатывайте семьи... Для нарушителей брака не может быть ни святости семейного очага, ни признания семейного строя. Нарушение брака является действием безнравственным и революционным. Когда разрушенный брак дал жизнь детям, развод является вопиющим преступлением,

ибо наносит их душе ужасающий удар. Горетем, которые разрушают отчий дом и выбрасывают детей из под защиты семьи. Блага им не будет. Жалеть их надо и надо надеяться, что не будет увеличиваться их число на радость врагам родного созидательного быта».

Среди гонений и мученичества русская религиозная жизнь крепнет и очищается. Хочется верить, что настанет время, когда православная Россия, освободившись от пережитков цезарепапизма, возвратится к безусловному соблюдению всех заветов Христовых и сыграет крупную роль в святом деле восстановления в мире первоначальной чистоты нравов.

— * * —